

«Слова на Рождество» (лл. 35—40 и некоторые другие). Но эти отрывки сравниваются им не столько с «Исповеданием» Илариона, сколько между собою; в данном случае, вероятно, Н. Н. Никольский намеревался проделать более сложную текстологическую работу, чем просто выписку цитат-параллелей. И это, конечно, не случайно: история славянского и русского текста Символа веры, «вольным пересказом» которого является «Исповедание веры» Илариона, вызвала к жизни значительную литературу, но до сих пор еще не может считаться окончательно выясненной.

Итак, по исследованию происхождения и третьего произведения Илариона Н. К. Никольским была начата большая работа с привлечением новых и неожиданных источников; о результатах, к которым должна была она привести, сказать ничего нельзя из-за скудости сохранившегося в архиве ученого материала. Но уже сам факт привлечения Н. К. Никольским к исследованию сочинений Илариона древнейших, в том числе западославянских патристических и канонических памятников, значит много: ведь именно им были в свое время отмечены «следы мораво-чешского влияния» на русских «литературных памятниках домонгольской эпохи» и был поставлен вопрос «о западном влиянии на древнерусское церковное право». Скорее всего исследование произведений Илариона велось Н. К. Никольским в подкрепление названных его положений, далеко не единодушно отвергаемых современными исследователями.

«Западническое» направление исследования Н. К. Никольским творчества Илариона несомненно связано с его общей, весьма оригинальной оценкой идейно-политического содержания «Слова о законе и благодати». Об этом в архиве ученого сохранились гораздо более полные и связанные материалы, чем те, которые явились предметом рассмотрения настоящей статьи. Поэтому в заключение остановимся вкратце на общей оценке Н. К. Никольским «Слова» Илариона.

Прежде всего — о доминирующей мажорной тональности «Слова о законе и благодати», о его оптимизме. Н. К. Никольский замечает: «Источник радости и оптимизма — в догматике Илариона» (л. 14) и сравнивает это с богомилством: «У Илариона нет ни следа богомилства ... богомилы — пессимисты, Иларион — оптимист» (л. 11).

Далее — о тенденциозности «Слова», о его антииудейской и антигреческой направленности, или наоборот — юдофильских и грекофильских тенденциях (споры об этом продолжают уже полтора года) — Н. К. Никольский отмечает: «Христиане — не националисты (ср. с иудеями)»; «греки желали сузить представление о церкви — до пределов Византии, а Иларион не был сторонником такой узости» (лл. 14 и 27).

Наконец о том, что, по мнению Н. К. Никольского, определяет «место „Слова о законе и благодати“ в эволюции русского литературного творчества». Утверждая, что вся «допетровская книжность» была «проникнута идеологией монастыря», он пишет: «В „Слове“ нет следов пессимизма и крайностей аскезы, нет следов учения о монашеском ангелоподобии как условии спасения ... „Слово“ не одиноко, оно находится в цикле однородных произведений XI в., следы которых имеются на „Повести временных лет“. Всматриваясь в эти отрывки, мы видим, что отсутствие аскетизма не было случайным, но является представителем особого мировоззрения XI в., отражение которого нашло себе в письменности XI в. ... С конца XI в. это мировоззрение уже исчезает из наших памятников и вступает в силу монашеская идеология с значительной при-